

Глава первая

Солонка. Таблетница. Пиала с леденцами для горла. Тонометр в овальном пластиковом футляре. Лупа и катушка красной кружевной тесемки, снятая с рождественской занавески и завязанная на три толстых узла. Телефон с очень большими кнопками. Старая красная книга с адресами в кожаной обложке, под потрепанными уголками — пожелтевшие страницы. Она тщательно раскладывает все на кухонном столе. Все должно быть в идеальном порядке. Никаких складок на светло-голубой выглаженной льняной скатерти.

Остановившись на минуту, она выглядывает на улицу — за окном дождь и слякоть.

Мимо спешат прохожие — с зонтами и без. Голые деревья. Лужи на улице присыпаны гравием, через который всё равно просачивается вода.

При виде белки, пробегающей по ветке, ее лицо озаряет улыбка. Она чуть наклоняется вперед, внимательно следя за размытыми движениями маленького создания. Пушистый хвост зверька покачивается из стороны в сторону, мелькая среди веток. А затем белка прыгает на дорогу и быстро исчезает, отправляясь навстречу новым приключениям.

Пора поесть, думает она, поглаживая живот. Берет лупу и дрожащей рукой подносит ее к золотым

часам на запястье. Все еще слишком рано, и у нее не остается выбора, кроме как смириться. Она спокойно складывает руки на коленях и на мгновение закрывает глаза в ожидании знакомого звука от входной двери.

— Вы спите, Дорис?

Слишком громкий голос вырывает ее из сна. Она чувствует руку на своем плече, сонно пытается улыбнуться и кивнуть молодой сиделке, склонившейся над ней.

— Похоже, задремала. — Слова застревают в горле, и она его прочищает.

— Вот, попейте воды.

Сиделка ловко подает ей стакан, и Дорис делает несколько глотков:

— Спасибо... Извините, но я забыла ваше имя.

Снова другая девушка. Предыдущая ушла, решив вернуться к учебе.

— Дорис, это я, Ульрика. Как вы сегодня? — спрашивает она, но тут же отходит, не собираясь слушать ответ.

Да и Дорис не отвечает.

Она молча наблюдает за быстрыми передвижениями Ульрики по кухне. Смотрит, как та достает перец и убирает в кладовку солонку. После нее скатерть вся мятая.

— Никакой лишней соли, я же вам говорила, — ругается Ульрика, держа в руке контейнер с едой и строго глядя на Дорис.

Та со вздохом кивает, а Ульрика вскрывает упаковку. Соус, картофель, рыба и бобы — все, смешанное воедино, вываливается на коричневую керамическую тарелку. Ульрика ставит тарелку в микроволновку и

устанавливает таймер на две минуты. Микроволновка начинает тихо жужжать, и по квартире медленно разносится запах рыбы. Пока подогревается еда, Ульрика берет за вещи Дорис: складывает газеты и стикеры неопрятной стопкой, достает из посудомоечной машины тарелки.

— На улице холодно? — Дорис снова смотрит в окно на сильную морось. Она уже и не помнит, когда в последний раз выходила за дверь. Было лето. А может, и весна.

— Да, уф, скоро здесь будет зима. Капли дождя сегодня похожи на кусочки льда. Я рада, что купила машину и теперь мне не надо ходить пешком. Я нашла место на вашей улице, прямо у двери. В пригороде, где я живу, найти парковку гораздо проще. Здесь же, в городе, это гиблое дело, но иногда везет. — Слова мелодично льются из уст сиделки, превращаясь в тихое напевание. В популярную песню, которую Дорис слышала по радио.

Ульрика уносится прочь. Убирается в спальне. Дорис слышит грохот и надеется, что та не столкнула вазу, расписанную вручную и столь любимую.

Возвращается Ульрика с перекинутым через руку платьем. Бордового цвета, шерстяным, с катышками на рукавах и свисающей с подола ниткой. Дорис пыталась оторвать ее, когда в последний раз надевала это платье, но из-за боли в спине не удалось дотянуться ниже колен. Она протягивает руку и старается поймать ее сейчас, но ловит лишь воздух, поскольку Ульрика вдруг резко поворачивается и вешает платье на спинку стула. Сиделка возвращается и начинает развязывать ночную сорочку Дорис. Аккуратно вытаскивает ее руки, и Дорис тихонько постанывает — от спины боль ударяет в плечи. Ей всегда

больно, днем и ночью. Этакое напоминание о стареющем теле.

— Теперь вам нужно встать. Я подниму вас на счет «три», хорошо?

Ульрика обхватывает ее рукой, помогая подняться, и стягивает сорочку. Дорис остается стоять на кухне, в холодном свете дня, в одном лишь нижнем белье. Его тоже надо бы сменить. Она прикрывается рукой, когда расстегивается лифчик. Ее груди свободно устремляются к животу.

— Ох, бедняжка, вы замерзаете! Давайте отведем вас в ванную.

Ульрика берет ее за руку, и Дорис следует за ней осторожными, неуверенными шагами. Она чувствует, как покачиваются ее груди, и прижимает их одной рукой. В ванной теплее благодаря обогреву пола, спрятанному под плитками. Она скидывает тапки и наслаждается теплом под ступнями.

— Так, давайте наденем на вас это платье. Поднимите руки.

Она делает, как ей сказали, но может поднять руки лишь до груди. Ульрика борется с тканью и умудряется натянуть платье через голову. Когда Дорис снова может видеть ее, та улыбается:

— Ку-ку! Какой хороший цвет, он вам подходит. Не хотите еще накрасить губы? Может, добавить немного румян?

Косметика разложена на маленьком столике у раковины. Ульрика берет помаду, но Дорис качает головой и отворачивается.

— Когда будет готова еда? — спрашивает она по пути на кухню.

— Еда! Ах! Какая я идиотка, совсем о ней забыла. Придется снова разогревать.

Ульрика спешит к микроволновке, открывает дверцу, затем снова ее захлопывает, устанавливает таймер на одну минуту и нажимает старт. После чего наливает в стакан брусничный сок и ставит тарелку на стол. Дорис морщится, когда видит месиво, но голод заставляет ее поднести вилку ко рту.

Ульрика садится напротив с чашкой в руке. Хрупкий фарфор расписан вручную розовыми цветами. Дорис никогда ей не пользуется из страха разбить.

— Кофе — золото дня. — Ульрика улыбается. — Верно?

Дорис кивает, сосредоточив взгляд на чашке:

— Не урони ее.

— Наелись? — спрашивает Ульрика, после того как они какое-то время сидят в тишине.

Дорис кивает, и Ульрика поднимается, чтобы убрать тарелку. Затем возвращается с еще одной дымящейся чашкой кофе. В этот раз темно-синей, из Хёганеса.

— Вот и все. Теперь можем передохнуть, да? — Ульрика улыбается и снова садится. — Не погода, а один сплошной дождь. Кажется, он никогда не закончится. — Дорис только собирается ответить, как Ульрика продолжает: — Интересно, передавала ли я в ясли сменные колготки? Сегодня малыши наверняка промокнули. Не беда, у них, наверное, есть запасные, которые можно одолжить. Иначе я заберу угрюмого ребенка с голыми ногами. Всегда столько волнений из-за детей. Но, полагаю, вы знаете, каково это. Сколько у вас детей?

Дорис качает головой.

— О, совсем никого? Бедняжка, так к вам никто не ходит? Вы были замужем?

Напористость сиделки удивляет ее. Обычно они не задают ей таких вопросов — по крайней мере, не так бестактно.

— Но у вас же есть друзья? Которые иногда вас навещают? Во всяком случае, она выглядит довольно объемной. — Девушка указывает на записную книжку, лежащую на столе.

Дорис не отвечает. Она смотрит на фотографию Дженни в коридоре, которую сиделка ни разу не заметила. Дженни, которая так далеко от нее, но при этом всегда так близко в ее мыслях.

— Слушайте, — продолжает Ульрика, — мне нужно бежать. Можем поговорить об этом в следующий раз.

Ульрика загружает чашки в посудомоечную машину, даже ту, что расписана вручную. Затем в последний раз протирает стойку тряпкой, включает машину, и не успевает Дорис и глазом моргнуть, как та выбегает за дверь. Дорис наблюдает в окно, как Ульрика на ходу надевает пальто, а потом садится в маленькую красную машину с эмблемой местного муниципалитета на двери. Дорис шаркает до посудомоечной машины и ставит ее на паузу. Достает расписную чашку, осторожно ополаскивает ее по краном и прячет в самую глубь шкафа, позади креманок. Проверяет с разных углов — ее больше не видно. С удовлетворением садится обратно за стол и разглаживает скатерть. Все тщательно раскладывает. Таблетница, леденцы для горла, пластиковый футляр, лупа и телефон вернулись на свои законные места. Когда она тянется к записной книжке, ее рука замирает на мгновение. Она уже давно ее не открывала, но теперь, раскрыв, встре-